

Глава 1

Я счастлива, счастлива, сказочно счастлива! Просто не верится, но достаточно ущипнуть себя за руку, чтобы знать — это правда! Но я не буду: не хочу, чтобы остался синяк.

Нэй Элий сегодня сделает мне предложение!

Вчера он вел меня в танце — рука в руке, сердце к сердцу, и шепнул на ушко, так и шепнул!

«Завтра я попрошу вашей руки, тайе Елания!»

Всю ночь вчера проворочалась, под утро заснула.

С утра встала, внимательно осмотрела себя в зеркало.

Свежее кругленькое личико, к счастью, под глазами не появились тени. Но вот пару родинок пришлось замазывать — как, впрочем, и всегда. Одну на подбородке, прямо в аккуратной ямочке, а вторую — над правой бровью.

У меня очень белая, очень нежная кожа, но при этом — куча родинок, везде-везде... Нэй Элий говорил, что они придают мне пикантности, но заглядывал-то он не в глаза, а в декольте! А на лице они совершенно лишние, и слава богу, что изобрели пудру...

И вот оделась в домашнее и все хожу по дому, не могу найти себе места. Взяла в руки вышивание — теперь вышивку только распарывать. Сердце трепещет, душа поет — ну как тут усидеть за вышивкой? Отложила пальцы, села за музицирование — с первого этажа пришел

папенька, попросил до вечера клавиш не касаться. У него важная сделка, нужно что-то посчитать, а когда я играю, папенька считать не может — заслушивается.

Думала, найду тетеньку, поиграем в шахматы. Обычно я избегаю тетеньку, но не сегодня. Сегодня такой день, что ничего плохого просто не может случиться. Солнышко светит из-за тучек, птички с самого утра славят Господа и мир, распевая гимны весне и любви, и даже тетенькины нотации меня не пугают! Я бы их с удовольствием послушала. Последний раз в жизни! Как музыку свободы и счастья!

Но ей привезли ткани для бальных платьев, сидит, выбирает вместе с модисткой. Я бы с удовольствием присоединилась, но, боюсь, испорчу сюрприз. Засмотрюсь на алую ткань, и тетенька тут же догадается. Она очень догадливая.

Будто в душах читает.

Нет, хочу, чтобы вышел сюрприз!

Хочу, чтобы нэй Элий зашел, улыбнулся мне... Я все прочту по его глазам, и не нужно будет слов; он мне ничего и не скажет, потому что руки просят у папеньки. Прошел решительно в папенькин кабинет, пал на колени...

«Без тайе Елании мне не жить! Благословите!»

Папенька улыбнется, может, смахнет украдкой слезинку... Он ведь всегда говорил, что хочет видеть меня счастливой. А разве есть девушка счастливее, чем девушка, которую любимый жених ведет к алтарю?

Папенька, конечно, для порядка посмотрит на меня строго и выгонит из кабинета, потому что негоже девушке слушать всякие скучные вещи. Условия брачного договора, приданое... разве это важно? Нэй Элий меня любит и хочет взять в жены. И все

равно, что юн и беден: еще будет война, на которой он храбростью заслужит себе высокий чин! Может, его сам король наградит: ней Элий такой смелый, такой мужественный — самый-самый!

Я решила! Пойду печь блинчики!

Кухонька у нас не очень большая: аккурат место для приходящей кухарки, нэе Улины, и для меня уголок. Я люблю готовить даже больше, чем читать.

Это потому, что тетенька в детстве запрещала. Мол, это не занятие для особы моего положения, но я плакала, и папенька ее уговорил. Но она все равно настояла, чтобы я никому про это не рассказывала. Секрет! Готовка для меня — приключение. Мои блинчики — победа над тетенькой!

Нэе Улина рассказала мне рецепт, но у меня теперь получается даже лучше, чем у нее, вот!

И нэй... нет-нет! Он же мой будущий муж! Просто Элий говорил, что хотел бы испробовать кушаний, приготовленных заботливой женой, — вот так! Я права, а тетенька нет!

Тетенька Аката — старая дева, а я скоро буду женой!

Я спрятала волосы под косынку. Вечно они везде лезут, совершенно невозможно собрать эти дурацкие рыжие кудряшки во что-то приличное. Так и норовят рассыпаться по плечам: ни одна модная прическа не держится, заколки ломаются... Дома я заплетаю их в косу, и то пряди выпадают.

Никому не нравятся волосы в блинах, поэтому я всегда одалживаю у кухарки косынку и покрываю ей голову. Вот и сейчас... Главное в таком виде тетеньке не попасться, а то начнется!

«Вы — дочь купца первой гильдии, Елания, вы должны вести себя соответствующе, а не повязывать на голову косынку, подобно нищей крестьянке!»

Бе-бе-бе! А если так удобнее? Хорошо, что тетенька в жизни не заходила в кухню. Хоть где-то можно передохнуть от ее вечных скрипучих нравучений.

Только я разбила первое яйцо и взялась за второе, как позвонили в дверь. От неожиданности я раздавила его в пальцах, в миску попала скорлупа... мелочи! Это он, я чувствую — что мне до какой-то скорлупы?

Я вытерла руки прямо о домашнее платье, сдернула косынку — следует поторопиться.

На пороге и вправду стоял Элий. Только вот встречать его вышла тетенька.

Плохо...

Тетенька на Элия так посмотрела, так посмотрела! Как на клопа. Ее, кажется, не впечатлил ни его кадетский мундир, ни широкие плечи, ни мужественное лицо с волевым подбородком.

На что я надеялась? Надо было занять ее игрой в шахматы!

— Что вам надобно? — процедила тетенька. — Вы к какой-то из горничных? Черный ход с другой стороны.

— Я бы хотел поговорить с нэем Дезовски, — ответил мой герой, ничуть не колеблясь.

— Зачем?

У тетеньки голос высокий и резкий. Когда она говорит, хочется наизнанку вывернуться — лишь бы поскорее замолчала. А еще у нее глаза холодные, как у злой мертвой рыбины.

Потому и осталась старой девой. Не помогло даже богатое приданое. Женихи от нее разбегались во все стороны! Россыпью!

Но я из-за нее старой девой не останусь! Я сжала кулаки, надула щеки: если папенька увидит, сразу поймет, что я настроена серьезно.

Зареву!

— Я люблю вашу племянницу, нэйе Дезовски!

Как он сверкает голубыми глазами! Как хмурится! Но... А-а-а, демоны ледяного ада! Я-то понимаю, что он хотел тетеньке польстить, но она же сейчас только пуще разозлится!

— Тайе Дезовски, молодой человек.

— П-простите... Тайе Дезовски, я не знал...

Что правда, то правда: у Элия множество достоинств, но предусмотрительность не в их числе.

Тетенька захлопнула дверь перед его носом. А потом обернулась ко мне, не обращая внимания на его удивленный возглас.

— Что это было, Елания?

В дверь постучали. Затем замолотили ногами.

Элий немножко вспыльчивый. Но это ничего, он, когда злой, такой красивый! На лбу пролегают мужественные складки, брови сдвинуты, ноздри трепещут, как у породистого коня в пылу скачки, а как он кусает губы! А как сжимает свои огромные кулаки!

— Мой жених, тетенька.

— Не думаю, Елания. Не думаю.

Это как смертный приговор, это как надгробная плита, это как эпитафия моему замужеству!

— Разве так можно?! — воскликнула я, заламывая руки, и еще раз, громче, чтобы папенька тоже услышал. — Разве так можно?!

Тетенька скрестила руки на груди.

— Так и нужно отвечать юнцам без роду и племени, позарившимся на дочь семьи Дезовски, Елания. И ваш папенька меня поддержит. Можете не сомневаться.

В дверь ударили плечом. Еще раз. Тетенька поджала губы, распахнула дверь и смерила Элия долгим взглядом. Я знала этот взгляд — от него

кровь стынет в жилах и ноги подгибаются! А все потому, что бабушка, теплого ей местечка, была самой настоящей ведьмой, и тетеньке что-то до-
сталось такое, злобное и гадкое.

Элий вовсе не струсил, нет! Он предпринял тактическое отступление, их этому в училище учат. Если силы противника превосходящие... Ну ничего, он и не должен воевать с тетенькой, он же мужчина, он выше бабьих склок!

Я должна была подготовить почву. Замечталась... Ошибок не повторю.

Я стратегически разревелась и бросилась в па-
пенькин кабинет.

Тетенька пошла за мной, и я слышала, как она решительно печатает шаг.

Предстояла битва.

Тетенька, увы, получила преимущество: добралась до кабинета раньше меня. Распахнула дверь, прошествовала в кабинет и хотела было захлопнуть ее перед моим носом, — это ее коронный прием, но я успела сунуть руку в щель. Тетеньке пришлось отпустить дверь, чтобы не прищемить мне пальцы.

Она берегла мои пальцы, всегда берегла. Это был мой коронный прием.

Но никто не мешал тетеньке говорить. И она заговорила:

— Аферий, ты только подумай! За дверью стоял юнец в форме кадетского училища! Аферий, с Еланией надо что-то делать! Она совершенно сдурела от безделья!

Папенька поднял голову от бумаг, промокнул лоб платочком. Снял и отложил в сторону очки.

— Что случилось, Аката?

— Нэй Элий, — всхлипнула я, прижимая руки к груди, — он... Он...

На глаза наворачивались слезы. Я представляла, какое унижение гордому Элию пришлось пережить из-за тетушки, и ком вставал в горле, мешая говорить.

Тетеньке же ничего не мешало.

— Юнец пришел просить руки Елани, Аферий. Насколько я понимаю, своим легкомысленным поведением она дала ему ложные надежды.

— Я только хотела... Я хотела... я люблю его, папенька!

— Еленька, пожалуйста, не плачь... — мягко сказал папенька. — Только не плачь. Кто такой этот нэй Элий? Есть ли у него связи? Кто его родители? В каком училище он учится?

Я не могла ничего ответить. То есть, конечно, могла. Я знала, что отец нэй Элия — скромный ремесленник, что связей у него нет, что его учебное заведение принимает именно таких юношей — не слишком богатых и родовитых, зато преисполненных рвения и готовности всеми силами служить отечеству там, куда их после училища пошлют. Но это были не те ответы, которые папенька был бы готов принять.

Я знала этот серьезный взгляд. Папенька подсчитывал прибыли и убытки.

За массивным столом красного дерева сидел смешной кудрявый толстячок, его ноги даже не доставали до пола. Внешность обманчива: никто не воспринимал папеньку всерьез, пока не начинал вести с ним дела. У папеньки хватка, как у бульдога-чемпиона.

Однако я не рассчитывала, что папенька начнет рассматривать Элия как сделку. Я думала... Я надеялась...

— Он любит меня, папенька! — предприняла я отчаянную попытку воззвать к его чувствам,

пока счеты в папенькиной голове не сгубили все дело. — А я люблю его.

— Это вам не игрушки, Елания! — отрезала тетенька. — Это ваша жизнь. Ваш Элий — всего лишь паразит, присосавшийся к богатой невесте; ваша любовь — всего лишь девичья влюбленность в смазливую мордашку. Я не спорю: возможно, он популярен на балах и красиво размахивает мечом. Однако хороший танцор — не значит хороший муж. Поддержи же меня, Аферий!

— Аката права. Если у него нет будущего, то нет и права рассчитывать на твою руку.

— Папенька, но я...

— Кажется, моя дорогая племянница хочет сказать, что эти стены ее душат, — перебила тетенька. — Обычные слова в ее возрасте. Так я говорила своей матери, а моя мать говорила своей. Аферий, ты помнишь наш разговор две недели назад? Я получила на письмо положительный ответ.

Какое письмо? Какой разговор?

Почему они обсуждают это так, как будто меня тут нет? Почему папенька не встал на мою сторону? Он же всегда, всегда, всегда был на моей стороне! Он всегда защищал меня от тетеньки! Он не позволял мне плакать!

У меня задрожали коленки. Я присела на софу: как много часов я просидела на этой софе с вышиванием! Скрипело перо, шуршала бумага, и не было звуков прекраснее.

Теперь я выросла, и шелест бумаги, которую тетенька вытасила из-за корсажа и отдала папеньке, пугает меня, а не успокаивает.

Какая-то темная волна разливается по моему телу: сначала покалывает кончики пальцев, потом запястья, выше, выше — к шее. А потом болью взрывается в голове.

На софу упали кровавые капли. Я поднесла руку к носу, пачкая белые кружева на рукаве.

Где-то в глубине дома кто-то коротко вскрикнул.

— О! — сказала тетенька. — Несколько раньше, чем я предполагала. Думаю, нам следует проследовать на кухню и узнать, что случилось с кухаркой. Вы же что-то пекли, дорогая? У вас мука на щеке. Надеюсь, это был не яблочный пирог.

— Блинчики... — прошептала я.

Кровь все текла и текла, не думая останавливаться.

— Ваша бабушка, дорогая... — тетенька подала мне руку, — была замечательным зельеваром. Единственная причина, по которой я позволяла вам заниматься таким неблагодарным делом, как готовка — это то, что сие несколько схоже с благородным искусством зельеварения. Вам скоро исполнится восемнадцать: самое время силе пробудиться.

Самое ужасное, что папенька не вмешивался в разговор.

Он все знал, но не говорил мне! Они с тетенькой ждали, пока случится что-то... что?

И сейчас он всего лишь подошел ко мне и помог подняться, не попытавшись даже объяснить, что именно происходит. Будто тетенькиных слов мне должно было быть достаточно!

Я оперлась на его плечо, и мы пошли на кухню. Папенька придерживал меня за талию и не мог не чувствовать того трепета, который охватил меня из-за всего произошедшего, но даже и не подумал остановиться и успокоить. Я плакала, а папенька... папенька молчал. Это молчание пугало меня еще больше. Как будто я сделала что-то непоправи-

мое, и Элий рядом с этим — всего лишь девичья шалость.

Что?

Что случилось? Какая еще сила? Неужели я сделала что-то плохое, и кровь на моих руках не только из носа, но и чужая? Крик... Крик — это же плохо, да?

Никто не предупреждал меня.

Почему же, почему?

Кухарка лежала на полу. Грудь ее поднималась и опускалась — слава богу! Дышит!

В руке у нее был надкушенный блин, а на тарелке возвышалась горка таких же. Золотистые, ажурные, лоснящиеся маслом... я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Наверное, она решила доделать мою заготовку...

Я любила нэе Улину. Она учила меня готовить. Она хвалила меня за мои успехи, не то что тетенька, от которой невозможно дожидаться доброго слова, даже если переведешь трактат с яталийского на шенский. Кухарка была как нянечка, как добрая подруга...

— У нэе трое детей и муж хромой, — сказала я, хотя все и так это знали, просто чтобы больше не молчать. — Папенька, пожалуйста, если я...

— Не стоит, — фыркнула тетенька.

Она взяла деревянную ложку и разжала нэе Улине челюсти. Папенька закрыл мне глаза рукой. Я рванулась: я хотела видеть. Но у папеньки очень сильные пальцы.

Я услышала кашель. Когда я смогла увидеть кухарку — живую и здоровую, тетенька выбрасывала что-то в ведро с очистками.

— Нэе Улина, все в порядке? — спросил папенька без особого, впрочем, беспокойства.

— Да, — нэ́йе Улина сделала неуклюжий реверанс. — Я просто что-то сомлела... жарко тут.

— Я думаю повысить вам жалованье, нэ́йе. Простите мою дочь, она не желала зла.

— Конечно же, нэ́й Дезовски, я не держу на нее обиды.

И нэ́йе Улина бросила в мою сторону испуганный взгляд... Лучше бы это была обида!

— Ты будешь молчать, — сказала тетенька.

— Конечно, тайе Дезовски.

— Выйди на минутку. И не вздумай подслушивать!

Улина только рада была возможности сбежать: она быстро-быстро закивала, подхватила юбки — и только ее и видели.

Папенька задумчиво теребил ту самую бумагу, которую передала тетенька. Теперь-то я видела, что это письмо.

— А вы, Елания, едете учиться, — добавила тетенька после, казалось, целого тысячелетия тяжелой тишины.

Я посмотрела на папеньку, ища спасения. Куда учиться, как учиться? Разве есть что-то, чему меня не могут научить на дому приглашенные преподаватели? Но он только рассеянно кивнул, почесывая гладко выбритый подбородок.

— Не думай возражать! У тебя достаточно времени, чтобы соблазнять мужчин, и достаточно злобы, чтобы травить кухарок, — фыркнула тетенька. — Здесь, в безделье, ты окончательно отобьешься от рук. Я дала тебе лучшее домашнее образование, которое могла дать. И раз уж у тебя есть злоба и сила, ты отправишься в столичную Академию ведовства и чародейства, поступишь на факультет зельеварения... И только попробуй посрамить имя своей бабушки!